
ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“

— 1833 — 1837 —

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 3

ПУШКИН

1 8 3 3 Г О Д

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

1

9

3

3

Ответственный редактор *Инн. Оксенов.* Технич. редактор *Н. Давыдова.*

Книга слана в набор 1/III 1933 г. Подписана к печати 22/IV 1933 г.
Издание Пушкинского Общества. Тир. 2500. Ленгорлит № 11510. Зак. № 610.
Формат бум. 68 × 100 см., 5 печ. л. (52 000 тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 2¹/₂.

Типография „Печатный Двор“. Ленинград, Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всего лишь четыре года остается до знаменательной годовщины — столетия со дня смерти Пушкина. Празднование этой юбилейной даты будет несомненно происходить во всесоюзном масштабе и потребует большой подготовительной работы. Нет необходимости доказывать всю важность и значительность подобного памятного дня, являющегося поводом к углублению интереса и внимания социалистической страны к одной из величайших культурных ценностей доставшегося нам исторического наследства.

Предлагаемая вниманию читателя брошюра является первой в серии намеченных Пушкинским обществом ежегодных изданий, посвященных последним годам жизни и творчества поэта.

Настоящий сборник имеет научно-популярный характер и не ставит перед собой исследовательских целей. Помещенные здесь статьи объединены одной общей установкой — дать читателю, не имеющему возможности углубляться в специальную литературу, ряд статей по основным вопросам, связанным с творчеством Пушкина данного периода.

Выпуская настоящую брошюру, мы ограничились рассмотрением только художественных произведений Пушкина, относящихся к 1833 году, притом наиболее значительных. Произведения, не затронутые в отдельных очерках, нашли отражение во вступительной обзорной статье. Для ориентировки читателя в датах помещена в приложении хронологическая канва „трудов и дней“ Пушкина за 1833 год.

Пушкинское Общество.

Ленинград.

23 февраля 1933 г.

1833 ГОД В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА.

I

Тридцатые годы, последние в жизни Пушкина, имеют в своем начале знаменитую „Болдинскую осень“ 1830 года, краткий, но беспримерный по интенсивности творчества период.

В середине тех же годов прошла, также в творчески-напряженной работе, вторая „Болдинская осень“ 1833 года, более короткая (1 октября — середина ноября), но отмеченная фактом исключительного значения — созданием петербургской повести „Медный Всадник“.

Если построить график творческой работы Пушкина за 1830 и 1833 г., то кривая, остающаяся внизу графической сетки в первые месяцы года и за все лето, делает бурный взлет в осенние месяцы, проведенные в Болдине, и падает круто вниз к концу года.

Болдино 1830 года, это — Пушкин, еще окрыленный славой поэта, еще не расставшийся с „Евгением Онегиным“, многолетним спутником лучшей творческой поры, — Пушкин, все еще стоящий у ясного источника жизнерадостных настроений. То, что дала

осень 1830 года, переключается с периодом первого замысла „Евгения Онегина“, днями пребывания в с. Михайловском („Граф Нулин“ — „Домик в Коломне“; „Борис Годунов“ — четыре драматические сцены), лирикой начала двадцатых годов. Оживленно и бодро сообщает Пушкин в письмах друзьям о богатейшем результате Болдинской работы (письма Дельвигу и Плетневу в ноябре и декабре 1830 г.).

Болдино 1833 года, это — Пушкин, ищущий выхода в кольце социальных противоречий, озабоченный мыслью — обеспечить жизнь своей семьи литературным трудом, — нередко оставляющий начатое незаконченным в стремлении к новым темам, к новым работам. Нет более радостных писем друзьям о счастливо законченном труде. — „Начал многое, но ни к чему нет охоты“ — писал он жене после трехнедельного пребывания в Болдине: „работаю лениво... хандра грызла меня“.

Но едва было отправлено это письмо, как наступил перелом в настроении. В четыре дня (24—27 октября) Пушкин закончил поэму „Анджело“ и, увлеченный внезапным творческим порывом, в три дня создал почти всего „Медного Всадника“ (пометы на рукописи 29, 30 и 31 октября — 5 час. 5 мин.).

Точно отраженными вспышками молний первой Болдинской осени с ее бурей творчества, „вихрем, роющим поля“, озарилось сумеречное Болдино 1833 г.

Так прошли короткие дни конца октября. А дальше — отъезд в Петербург, и там последние годы, с их „раздумьями“ о тяжелой „зависимости“, о желанном покое, — годы, отмеченные заметным снижением творческой работы, — снижением, быть может, временным, если бы не оборвалась трагически жизнь.

II

Болдино было целью стремлений Пушкина, когда еще в феврале 1833 года он задумывал поездку на восток. Своему другу Нащокину он писал о своем плане поехать в Нижегородскую губернию (Болдино), писал, что путешествие ему нужно и „нравственно и физически“.

„Нет у меня досуга, — жаловался он Нащокину, — вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения“.

К лету у Пушкина создалось решение ехать в Оренбург и Казань, чтобы посетить места, связанные с восстанием Пугачева, и собрать материалы для истории „пугачевщины“ и задуманного тогда романа („Капитанской Дочки“). Поездка на 4 месяца была разрешена Николаем I, о чем Пушкина уведомил, по поручению графа Бенкендорфа, А. Н. Мордвинов письмом от 7 августа 1833 года.

17 августа Пушкин выехал из Петербурга и весь август и сентябрь был в непрерывных переездах, часто не останавливаясь даже на ночлег. Мысль добраться скорее до Болдина была неотступной. Приехав 18 сентября после столь долгого пути в Оренбург, Пушкин остается там только два дня и в этот короткий промежуток пытается собрать необходимые сведения по истории Пугачева. Вместе с писателем В. И. Далем, жившим тогда в Оренбурге, Пушкин ездил в казачье селение Бёрды, где была стоянка Пугачева во время осады им Оренбурга. В Бёрдах старая казачка Бунтова, современница Пугачева, водила Пушкина в избу, — „золотые палаты“ Пугачева, рассказывала о взятии им крепости Нижне-Озерной и пела песни о Пугачеве. Рассказы Бунтовой были взяты Пушкиным, как материал для истории пугачевщины и повести „Капитанская Дочка“.

Все так же спеша, Пушкин побывал между 20 и 23 сентября в Уральске, у яицких казаков и оттуда, заехав по пути только в Языково (имение поэта Н. М. Языкова и его братьев), направился наконец в Болдино. Первого октября конечная цель была достигнута — Пушкин был в Болдине.

Чаяния, возлагаемые Пушкиным на Болдино, на осеннюю пору, неизменно оправдывались. Об этих днях Пушкин говорит в строфах „Осени“ (окончена в 1833 г.):

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод...
.....
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод...
.....
И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

Такое настроение в 1833 году пришло только в конце пребывания Пушкина в Болдине, когда он с удовлетворением писал жене (письмо от 30 октября): „Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей и лежу до 3-х часов. Недавно расписался и уже написал пропасть.“ Это тот долгожданный момент, о котором он писал еще в пути из Оренбурга: „уж чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю, что ж будет в постели?“

III

Чрезвычайно трудно дать общую характеристику творчества 1833 года. Как и в Болдинскую осень 1830 года, мысль поэта ищет воплощения в разнообразных жанрах и формах. Трудно представить, как умещается, подобно звеньям одной цепи, завершение петербургской повести „Медный Всадник“ между оформлением в Болдине двух сказок: „Сказки о рыбаке и рыбке“ и „Сказки о мертвой царевне и семи богатырях.“

Славословный гимн Петербургу, реалистическое описание наводнения и бедного предместья, образное представление самодержавия и стихийного бунта против него, — все эти основные, волнующие и поэта, и читателя элементы повести, хронологически идут рядом с эпическим спокойствием сказок с их былинно-бытовыми картинами. Сегодня — поэт, дающий потрясающий образ „державца полумира“, поднявшего „Россию на дыбы“; завтра — объективно-бесстрастный сказитель сказочных чудес, с мягкой усмешкой ведущий повествование.

31 октября ставится последняя помета на рукописи „Медного Всадника“, а через день появляется другая помета под законченным предисловием к „Истории Пугачева“, делового, протокольного характера.

В лирике в период 1833 года создаются: „Не дай мне бог сойти с ума“ — пьеса острой душевной напряженности; хвала мудрому наслаждению — „Бог веселый винограда“ и отрывок типа альбомных набросков „Когда б не смутное влеченье“; — „Подражания древним“ с их мерным гекзаметром, с пышным описанием античного пира, утонченно-ритмический отрывок: „Не розу пафосскую... я ныне пою“ чередуются со стихами „Сват Иван, как пить мы станем“, написанными складом деревенской песни с шуточными прибаутками, и отрывком также песенно-шуточного характера „Колокольчики звенят“.

Поэмы, лирика и сказки сменяются прозой. С 1833 годом связаны неоконченный „Дубровский“ и „Пиковая Дама“, работа над которой закончилась к январю 1834 года. Жанр повестей различный. „Дубровский“ — повесть с определенно-выявленной социальной установкой ¹⁾. „Пиковая Дама“ содержит фантастические элементы, сближающие сюжет повести с рассказами Гофмана.

Та же многожанровость, типичная для пушкинского творчества, нашедшая широкое отражение во всей творческой работе 1833 года, проявилась в выборе тем и оформлении остального ряда произведений того же года.

Неоконченная поэма о Таците и Гасубе по своей теме и бытовым картинам из жизни горцев сближается с первой кавказской поэмой „Кавказским Пленником“ 1821 года. Тема другой поэмы „Анджело“ взята из Шекспира и через текст трагедии „Мера за меру“ воспроизводит специфические черты ее первоисточника — итальянской новеллы времен Возрождения. Наряду с этим создается „сатирическая поэма“ — „Родословная моего героя“, написанная „онегинской строфой“ и оставшаяся неоконченной.

В начале года складывается в стихах баллада „Гусар“, шуточно-фантастическая по своему сюжету.

¹⁾ См. статью Д. П. Якубовича „Незавершенный роман Пушкина“ стр. 38 и далее.

Для двух других баллад „Воевода“ и „Будрыс и его сыновья“ заимствуются темы иного характера из Мицкевича. Тема „Будрыса“ отражает воинственные нравы литовцев в лице старого вояки Будрыса, с характерным эпизодом умыкания невест, похищаемых сыновьями Будрыса из стана поляков. Тема „Воеводы“ поставлена острее. На канве походной жизни воеводы и измены молодой его жены происходит неожиданная развязка: слуга („хлопец“), вызванный для расправы с застигнутыми любовниками, застреливает самого воеводу.

Параллельно с художественным творчеством Пушкин с настойчивостью ведет в течение всего 1833 года работу над историческими материалами по „Истории Пугачева“, переименованной впоследствии Николаем I, „высочайшим“ цензором сочинений Пушкина, в „Историю Пугачевского бунта“.

Работа над архивными документами шла настолько успешно, что к концу мая 1833 г. было написано шесть глав, а после посещения Оренбурга и других мест, через которые прошла пугачевщина, Пушкин, находясь уже в Болдине, вчерне написал основной текст „Истории Пугачева“. Окончательная редакция и выпуск в свет „Истории Пугачева“ относятся к 1834 г.

Но этим еще не исчерпывается все разнообразие деятельности Пушкина. В 1833 году им начаты записки о Радищеве и его „Путешествии“ под наи-

менованием „Мысли на дороге“, и к концу того же года относятся первые записи в сохранившейся части „Дневника“ (рукописная тетрадь № 2; тетрадь № 1 остается неизвестной).

„История Пугачева“, „Мысли на дороге“ и „Дневник“ являются объективными документами для суждения о политическом облике Пушкина в 1833—1834 годах. Для правильного освещения этого вопроса необходим углубленный анализ этих произведений, который не может входить в задачу настоящей статьи — общего очерка творческой работы в пределах 1833 года ¹⁾.

Но следует остановиться на том общеизвестном факте, что в 1833-м, как и в смежные годы, Пушкин не имел свободы в высказывании своих политических взглядов. Сдавленный сверху двойной цензурой царя и шефа жандармов графа Бенкендорфа, он мог или молчать, или писать, оставаясь в границах, предудказанных столь могущественной цензурой.

Не мог он высказываться свободно и в письмах, так как даже переписка его с женою не была гарантирована от перлюстрации. Глубоко был возмущен Пушкин, когда узнал, что одно из его писем (в апреле 1834 года) было перехвачено полицией и представлено царю. Этот факт имел значение в том

¹⁾ Дать этот анализ предполагается в выпуске, посвященном 1834 году.

переломе его отношения к Николаю I, который проявился вскоре после 1833 года.

Стремясь выйти из под опеки царя и Бенкендорфа, Пушкин писал жене (в 1834 году): „теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога.“

Таких протестующих высказываний нет еще в переписке за 1833 год. Единственно из письма к П. А. Осиповой от 13 (14) мая можно видеть, насколько тягостно было для Пушкина пребывание в Петербурге.

Почти безнадежно было для него найти выход из создавшихся социальных противоречий. Происходя из старинного помещичьего дворянства и будучи органически связан с феодально-крепостническим строем, Пушкин, как писатель-профессионал, экономически зависел от своего литературного заработка в большей степени, чем от доходов по эксплуатации крестьянского подневольного труда. Тем самым он подпадал под влияние новых социально-экономических — буржуазных — отношений.

Эта двойственность и создала неустранимое противоречие, вызывая критическое отношение Пушкина и к тем, и к другим социальным позициям.

Значительный промежуток времени отделяет 1833 год от тех лет, когда Пушкиным были даны

его революционные стихотворения. Менее всего можно видеть в нем в период 1833 г. и смежных годов революционера, но тема бунта, восстания не перестает привлекать его мысль. Как бы объективно, сухо-документально ни была написана история Пугачева, в силу цензурных тисков, все же темой Пушкина и здесь был бунт, и та же тема бунта вспыхивает как-то внезапно и в „Медном Всаднике“; в одном жесте, в одной фразе перед бронзовым „властелином судьбы“ проходит она четко и обнаженно и подымает до революционного пафоса эту поразительную сцену между „державцем полумира“ и деклассированным дворянином.

IV

В Болдине Пушкиным была завершена поэма „Анджело“, произведение, спорное по даваемой ему критической оценке, своеобразное по способу использования тематического источника.

„Анджело“, по существу, отображение трагедии Шекспира „Мера за меру“. Начатый Пушкиным перевод трагедии в процессе творчества перешел в оригинальное произведение, оформляемое то в строфах поэмы, то в диалогах развивающегося драматического действия. Но мысль поэта все время связана с нитью шекспировской трагедии и в текст поэмы, даваемой в самостоятельной переработке фабулы и действия, вкраплены стихи, являющиеся точным

переводом отдельных мест трагедии. Оригинальное пушкинское здесь чередуется то с пересказом, то с близким к источнику переводом.

Еще за много лет до написания „Анджело“ мысль Пушкина останавливалась на Шекспире. В заметках о „Борисе Годунове“ Пушкин отмечал: „Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и простоте“. В трагедии „Мера за меру“ Пушкина поразила „глубина характера“ Анджело. Характеризуя Анджело как лицемера, у которого „гласные действия противоречат тайным страстям“, он сравнивает Анджело (в литературных заметках 1833 г.) с типом лицемера у Мольера. Лицемер Мольера остается таким во всех своих действиях; характер же Анджело многосложен: „он произносит судебный приговор с тщеславной строгостью, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства“.

Анджело приковал внимание Пушкина и на нем сосредоточено действие поэмы.

Стихи, характеризующие Анджело, не заимствованы у Шекспира и дают ясный, чеканный облик:

Был некто Анджело, муж опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаем суровый,

Бледнеющий в трудах, ученьи и посте,
За нравы строгие прославленный везде,
Стеснивший весь себя оградю законной,
С нахмуренным лицом и волей непреклонной.

Эти черты Анджело, столь непоколебимо цельного в своем поведении, должны повести к напряженно трагическому положению, когда наступает, так внезапно и неотразимо волнуяще — испытание его воли над вспыхнувшей страстью к Изабелле.

Воля Анджело сломлена, когда у его ног, в его власти Изабелла, сестра Клавдио, приговоренного к казни за обольщение Джульетты.

Наедине с самим собою Анджело проводит всю ночь в борьбе с преступным желанием:

«.... размышлять, молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной...»

Высшей точкой развития драматического действия является диалог Анджело и Изабеллы (сцена II и IV второго действия у Шекспира и IX—XIII строфы I части и III сцена части второй у Пушкина). Здесь у Пушкина идет пересказ драматического диалога Шекспира, и это связывает поэта и явно влияет на силу и выразительность повествования. Лаконизм Пушкина, все более развивавшийся

*

у него с годами, сжимает рамки действия, почти устраняет выражение чувств, а с этим исчезает и широта изображения и формы Шекспира. У Шекспира перед вторым появлением Изабеллы, ищущей спасения брата, Анджело весь охвачен страстным волнением:

Как сильно кровь вдруг к сердцу прилила,
Его лишая силы и движенья,
И члены все как будто отнялись (в переводе Ф. Миллера).

У Пушкина — Анджело выходит к Изабелле в каком-то неестественном спокойствии и, пытаясь исторгнуть у нее согласие на преступную связь, говорит сухими умозаключениями (ведя, действительно, „странный“ разговор, как обмолвился поэт):

Положим, тот, кто б мог один спасти его
.....
К тебе желаньем был преступным воспален
И требовал, чтоб ты казнь брата искупила
Своим падением; не то — решит закон.
Что скажешь? Как бы ты в своем уме решила?

Так мог бы говорить Анджело о ком-либо другом, как вопрошающий судья, а не Анджело, у которого — „в сердце грех кипел“. В мерно-расудочных тонах ведет он весь диалог.

У Шекспира Анджело говорит Изабелле об ее красоте, говорит, что и мужчины бывают слабы и

поддаются соблазну, и после этого открывается ей в своей любви.

Лаконизм Пушкина исключил эти переживания Анджело и его восхищение красотой Изабеллы. Требование ответной любви звучит как ультиматум властелина к женщине, измученной страхом за участь брата.

Тот же лаконизм заставил Пушкина сократить тему о герцоге („Дук“ у Пушкина), который, как сказочный Гарун-аль-Рашид, инкогнито смешался с массой и следил, что делается в оставленном им на время государстве. А с темой герцога сплетается у Шекспира широкое повествование о грубых и развратных нравах города, вводится и комический элемент: проходят бездельники и развратники, шут, продажные женщины, плут — констебль и т. д., наряду с сгущенным драматическим действием широко охватывается и социальная среда. Дается то „вольное“ изображение характеров, которое привлекало Пушкина и мимо которого он прошел, создавая „Анджело“.

Форма поэмы с шестистопными ямбами дала эпическое бесстрашие теме. Медленность, чувствуемая весомость стиха связывает действие. Если Шекспир заимствовал тему из пьесы Джорджа Уэтстона „Промос и Кассандра“ (1578 г.) и через него из итальянской новеллы Джиральди Чинтио (1565 г.), то Пушкин, извлекая сюжет через жерера-

ботку Шекспира, сумел ближе подойти к итальянской новелле времен Возрождения, прототипу шекспировской трагедии и к ее своеобразному стилю. Отсюда простота изображения без эмоциональной подчеркнутости и специфичность многих выражений, приближающихся к басенному повествованию.

Например:

По пятницам пошли разыгрывать казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: эхе! да вот уж не тот...
.....

Или:

Преобразились привычки уж в права,
И шмыгают кругом закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва.
Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы.

В этом снижении стиля сказывается то искание упрощенных форм, которое с такой определенностью проявилось у Пушкина в „Повестях Белкина“ и не покидало его в последние годы творчества.

Тем контрастнее и ярче звучат такие пламенные стихи, как порыв к жизни Клавдио, осужденного на смерть:

..... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу
..... иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным...

И все что, грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравнении с тем, чего за гробом ожидаем!

„Анджело“, как и у Шекспира, заканчивается умиротворяющей развязкой. Лицемерие Анджело разоблачено, его ждет суровая казнь, но общий эмоционально-радостный подъем, вызванный спасением Клавдио, передается и старому Дуку. Действие кончается лаконическим стихом:

И Дук его простил.

В этой концовке, в трех словах заключающей развязку действия, есть нечто неотъемлемо пушкинское.

Поэма „Анджело“ была напечатана в альманахе Смирдина „Новоселье“ 1834 г. Часть критики жестко и сухо встретила появление поэмы. Белинский дважды возвращался к теме об „Анджело“ и каждый раз не видел в поэме ничего больше, как образец технического искусства; поэма представлялась ему написанной „без вдохновения, без жизни“, стоящей ниже таланта Пушкина. Это было, конечно, крайностью. Правда, печать некоторой усталости лежит на этом произведении; есть стихи, дающие впечатление необработанности. Но надо перечитать „Анджело“ не один раз, и тогда открываются в поэме места, замечательные по содержанию и форме.

Сам Пушкин высоко ценил поэму и тем острее чувствовал намеки критики на упадок его творчества и горечь от „своевольных и скудоумно бесполезных“ — по его выражению — замечаний цензуры, в лице цензора Никитенко и министра Уварова.

V

Другая поэма 1833 года, задуманная Пушкиным еще в 1829 г. под влиянием кавказских впечатлений (путешествие в Арзрум), осталась незаконченной. Это — поэма о Тазите, помещавшаяся в прежних изданиях под наименованием „Галуб“ (неправильное чтение данного Пушкиным имени „Гасуб“).

В 1833 году Пушкиным написаны последние из дошедших до нас строф поэмы. Поэма оборвалась на моменте трагического наслоения действия, а казалось, ее развязка, предвосхищаемая в ярких образах борьбы и гибели Тазита и его возлюбленной, должна была бы вновь привлечь к ней внимание поэта.

В замечательных по форме стихах дает Пушкин бытовую сцену похорон сына Гасуба, доводит до трагического напряжения три сцены — диалога между Гасубом и его вторым сыном Тазитом, воспроизводит игры черкесов, полные отваги, и на фоне их два печальных образа Тазита, изгнанного отцом, и его возлюбленной — и здесь обрывается поэма.

По оставшемуся черновому наброску можно восстановить часть повествования о том, как Тазит был отвергнут отцом его возлюбленной, как старик-чеченец отказывается отдать свою дочь тому, „кто в бой вступить не смеет... кто мстить за брата не умеет, кто изгнан и проклят отцом“.

Трагизм положения возникает из столкновения дикой и суровой воли Гасуба, проникнутого жестокими и мстительными традициями, с пассивно-гуманным настроением Тазита.

Поэма в неоконченном виде была напечатана впервые после смерти Пушкина в третьей книге „Современника“ 1837 г. под ошибочным наименованием „Галуб“. Критикой были особенно отмечены превосходный язык поэмы и стихотворное мастерство. Анализ трагического столкновения Гасуба и Тазита был дан Белинским.

Полна юмора и блеска повествования баллада „Гусар“, появившаяся в „Библиотеке для чтения“ за 1834 г.

Издатель „Библиотеки для чтения“, Смирдин, книжная лавка которого обратилась в излюбленное место встречи писателей, уплатил Пушкину за „Гусара“ весьма высокий по тем временам гонорар в тысячу рублей. Из письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову узнаем, что Смирдин при нем жаловался на чрезмерные требования Пушкина:

за „три пьески“ — 15000 р. — „Пушкин прав, продавая втридорога свои стихи, — заметил на это Языков, — с торгашами так и должно“. Этот факт особенно подчеркивает профессиональное отношение Пушкина к своему творчеству.

Написанные в Болдине сказки „О рыбаке и рыбке“ и „О мертвой царевне и семи богатырях“ относятся к циклу сказок, созданных Пушкиным в тридцатых годах. Цикл был начат в 1831 году „Сказкой о царе Салтане“ и заключен „Сказкой о золотом петушке“, написанной в 1833—1834 годах.

Устное творчество глубоко пленило Пушкина в годы его пребывания в с. Михайловском (1824—1826 годы). С наслаждением слушал он в долгие зимние вечера своего домашнего „сказителя“, старую няню Арину Родионовну.

„Вечером слушаю сказки,“ — писал он своему брату в ноябре 1824 г., — „и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“

Тогда же он стал делать записи слышанных им сказок и среди них была занесена им запись весьма популярной в крестьянской среде сказки о мертвой царевне и семи богатырях.

Иное мнение существует об источниках „Сказки о рыбаке и рыбке“, казалось бы, всеми корнями выросшей в русский быт. Основываясь на том, что

среди записей Пушкина, взятых им из живого источника, сюжета этой сказки не имеется и что подобный сюжет о превращениях иначе трактуется в русских сказках, исследователи сопоставляют „Сказку о рыбаке и рыбке“ с сюжетами иностранной сказочной литературы и находят аналогию с темой одной из сказок, вошедшей в известный сборник сказок братьев Гримм (1812 г.). В подтверждение этого мнения приводится ссылка и на то, что в недавно найденной черновой рукописи кроме превращения старухи в царицу есть дальнейшее нарастание ее ничем неудовлетворяемых требований:

Не хочу быть вольной царицей,
А хочу быть римскою папой.

„Римский папа“, разумеется, не мог быть заимствован из крестьянских сказочных повествований и заставляет предполагать иностранный источник.

Наряду с этим существует мнение, что сюжет сказки был сообщен Пушкину В. И. Далем, с которым Пушкин виделся в Оренбурге за месяц до написания сказки в Болдине. Пушкин послал Дально рукописный экземпляр „Сказки о рыбаке и рыбке“ с надписью: „Твоя от твоих. Сказочнику казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин“.

Но как бы ни решался вопрос об источнике, элементы „Сказки о рыбаке и рыбке“ отражают русский быт: тут и „изба со светелкой“, и „дубовые

тесовые ворота“, и „терем“, „столбовая дворянка“ в „собольей душегрейке“, и царские палаты, где служат царице бояре да дворяне и т. д. Сказка пестрит как цветистый народный лубок. Оригинальна и форма сказки, написанной вольным стихом.

„Сказка о мертвой царевне“ была напечатана в „Библиотке для чтения“ в 1834 г., т. II. Современная Пушкину критика отнеслась к ней отрицательно, не признав в ней элементов подлинной народности.

„Сказка о рыбаке и рыбке“ была напечатана также в „Библиотеке для чтения“, но несколько позднее, в 1835 году.

VI

Лирика, датируемая 1833 годом, носит редкий, отрывочный характер. Лирические настроения поэта становятся случайными, быстро проходящими, среди законченных пьес все чаще появляются незавершенные, незаконченные.

Таких незавершенных пьес — семь и среди них отрывок из дорожных настроений: „В поле чистом серебрится снег волнистый и рябой“ и отрывок „бичующей сатиры“: „Французских рифмачей суровый судия“.

Особо стоит, также неоконченная, „Осень“, „одетая в багрец и в золото“ своих великолепных строф, — это восторженное признание поэта в своем влечении к осени, к ее „прощальной красе“, — образ-

ное воспроизведение его творческих переживаний в „дни поздней осени“.

Среди оконченных пьес — „Когда б не смутное влеченье“, „Подражания древним“, „Бог веселый винограда“ и пьеса, необычная для Пушкина по настроению — „Не дай мне бог сойти с ума“.

Есть свидетельство (П. В. Анненкова), что это стихотворение написано одновременно с „Медным Всадником“. С принятием такого утверждения за достоверное становится более ясным самое возникновение этой пьесы.

Заклучая „Медного Всадника“ сценой безумия Евгения, поэт коснулся бредовой сферы сумасшествия, с переходами от мрачной угнетенности к смеху:

И полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захотел...

Больше ста стихов поэмы отданы изображению сумасшествия Евгения и его скитаниям:

Итак он свой несчастный век
Влачил ни зверь, ни человек...

Во вторую осень после катастрофического наводнения, когда снова „мрачно было, дождь капал, ветер выл уныло и с ним вдали, во тьме ночной,

перекликался часовой "... мысль прояснилась на мгновенье в больном мозгу Евгения.

На Сенатской площади перед „кумиром на бронзовом коне“ он во внезапном прояснении осознал виновника всех чудовищных бедствий, поднявшего „уздой железной“ Россию „на дыбы“.

„Как обуюнный силой черной“, с угрозой подступил Евгений к „горделивому истукану“:

„Ужо тебе!..“ и вдруг стремглав
Бежать пустился..
Бежит и слышит за собой
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне..

Пройдя в творческой фантазии через бредовые мысли Евгения, через потрясающие его галлюцинации — поэт мог до реальности ощутить всю неуловимость перехода от напряженно творческого возбуждения к фантазии „смятенного ума“ и выразить это острое переживание в строфах „Не дай мне бог сойти с ума“.

В представлении поэта лучше „посох и сума“, лучше все лишения и бедствия, чем сумасшествие с лишением физической свободы. Но если бы дали

волю поэту, — „счастья полн“ глядел бы он в небеса, „заслушивался б волн“ и пел бы в „пламенном бреду“. Свободное скитальчество — завидный удел безумца:

И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля.

Это сознание силы и воли сближает эти строки с теми творческими настроениями, которые в давно прошедшие годы были выражены поэтом:

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава...
.....
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь бурный.

Здесь тот же „вихорь бурный“ — и творчество, как „пламенный недуг“.

Безумие не страшит поэта — „да вот беда“:

Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

Этот страх перед неволей, перед железной решеткой звучит как эхо личных переживаний поэта, стремящегося уйти из-за позолоченной решетки прославленного им Петербурга — с царем, Бенкендорфом, цензурой, тайным надзором, влословием и враждебностью высшего света.

Это та неволя, про которую с возмущением говорит Пушкин в письме к своей жене: „зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или нужды, унижает нас“, — та власть и та аристократия, которые смотрят на него, — по его же выражению, — „как на холопа“ и считают себя вправе „поступать“ с ним „как им угодно“.

Евг. Давыдов.

Февраль 1933 г.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН ПУШКИНА („ДУБРОВСКИЙ“).

„Дубровский“ не был напечатан при жизни Пушкина. „Дубровский“ не был и закончен Пушкиным. Сохранились — единственная, сплошь очень черновая и до конца еще не изученная, почти вся карандашом писанная, рукопись романа и несколько планов, программ, оглавлений. Они свидетельствуют о том, что предполагался еще третий том, но что-то заставило Пушкина бросить замысел. Все эти моменты должны обязательно учитываться при обращении к „Дубровскому“. Обычно этого не делается.

В начале рукописи романа, не имеющего заглавия, стоит пушкинская дата, от которой мы вправе отправляться: „21 Окт. 1832. С.П.Б.“, и дальше почти все главы датированы Пушкиным. Собственно к 1833 г. относятся главы с пятнадцатой (1 янв. 1833) по девятнадцатую (6 февраля 1833). Таким образом новый 1833 год застал Пушкина над „Дубровским“. Им — открылся.

Овладев манерой „быстрой“ бытовой новеллы со звучащим в ней голосом рассказчика („Повести

Белкина“), Пушкин стал переключать новеллистическую форму на лад исторического романа. Этот прозаический жанр в эпоху николаевско-бенкендорфского режима был одной из немногих открытых писателю литературных форм. Он в наибольшей степени оставлял возможность в рамках историко-бытового материала адресоваться к моментам прошлого, т. е. патристически-канонизирующе звучать для господствующего класса. К тому же именно исторический жанр богато разрабатывался в тридцатые годы XIX века и лучшими мастерами западно-европейской прозы.

Роман о царском арапе, начатый еще в 1827 — 1828 гг., увлек Пушкина и мог бы быть принят Николаем I с одобрением наряду с „Полтавой“, как прославление его „пращура“ — Петра, как великолепная реконструкция былого века (именно сцены „ассамблеи при Петре I“ и „обеда у русского боярина“ только и напечатал сам Пушкин). Но Пушкина интересовала и может быть в большей степени и стрелецкая оппозиция Петру.

В черновиках „Арапа“ уже возникал образ героя стрельца, позже Пушкин набрасывал план „Сын казненного стрельца“... Среди предков Пушкина был и участник противопетровского заговора. Его или другого своего предка — Ганнибала было выбирать Пушкину в герои?

К тому же оскорбительные выпады Булгарина

на тему об „арапском“ происхождении поэта присоединились сюда. Пушкин бросил „Арапа“.

Новая попытка большого исторического полотна была сделана в 1832 г. в „Дубровском“. Жанр исторического романа, смыкающегося с мелодрамой, казалось, опять звучал успокаивающе, но в рамках жанра Пушкин, оставаясь верным себе, все также неизбежно шел навстречу социальной стороне романа.

Рассказ Нащокина о процессе бедного дворянина Островского с соседом послужил внешним отправным пунктом для пушкинского замысла. Через знакомого Нащокина — Д. В. Короткого, знавшего судопроизводство, Пушкин достал выписку из подлинного судебного дела сельца Новопанского и самое это „дело“ решил в качестве исторического документа поместить „вполне“ в тексте II главы, с остро-сатирической мотивировкой („полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси мы можем лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право“).

Писарская копия подлинного „дела“ на синих листах так и осталась по сегодняшний день вложенной в соответствующую главу рукописи „Дубровского“. На ней Пушкин начал карандашную правку собственных имен, но не окончил ее. В соответствии со своим романом он исправил имена подлинных тяжущихся: „гвардии поручика Ивана Яковлева,

сына Муратова“ зачеркнул, приписав вместо этого: „Гв. поруч. Ан. Гавр. Дубр.“; „гвардии подполковника Семена Петрова, сына Крюкова“ — тоже вычеркнул, вписав на его место: „Генерал Аншефа Троекурова“. Точно также и вместо „сельца Новопанского“ надписано было Пушкиным „сельце Кистеневка“. Однако, дат этого процесса, как и некоторых других имен, Пушкин еще не привел в соответствие с хронологией своего романа. Например, в подлиннике процесс начинается словами „1832 года Октябрю... дня Козловский уездный суд“ . . . Несомненно, если бы Пушкин закончил роман, современные ему даты и точные географические названия тоже оказались бы исправленными. Во всяком случае их никак нельзя считать за реальные даты жизни стариков Дубровского и Троекурова, как ошибочно делают порой пишущие о „Дубровском“. Документ был нужен Пушкину просто для придания роману исторического колорита, исторической убедительности. Такой способ введения в роман документа уже широко практиковался западными историческими романистами — современниками Пушкина.

Любопытно, что Пушкин, всегда цenia мнение специалиста, хотел именно специалисту по судопроизводству показать свой роман. 2-го декабря 1832 г. он писал Нащокину: „... первый том Островского кончен и на днях будет прислан на твое рассмотрение и на критику г. Короткого. Я написал

его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове.“

К сожалению, кроме этого письма мы почти не имеем ни писем, ни других материалов, касающихся обстоятельств создания „Дубровского“.

Мелодраматическая линия романа не представляет вершины пушкинского творчества, по крайней мере в той черновой стадии, в которой роман был брошен. И сам Пушкин, как это видно из особенно обильных поправок именно в сценах этого рода (напр. сцены свиданий с Машей), очевидно был недоволен собою. Уже гораздо более законченной формы достиг Пушкин в сценах юмора, вплетающихся в „ужасный“ разбойничий роман (Дубровский и Антон Пафнутьевич). Но центральный, неувядающий интерес придают черновому роману гениально сделанный образ Троекурова, уже вышедший из черновых „лесов“, штрихи высокопробного мастерства в массовых сценах, там и здесь мелькающее тяготение автора к социальным, порою пугающим самому Пушкина, характеристикам.

С первых же страниц повести, рядом с картинами монументального быта, встали сатирические картины Троекуровского крепостного гарема; быт тиранящего дворянина самодура феодала был противопоставлен троекуровской же псарне с „лазаретом“ и „бо-

гадельней“ для „благородных сук“; жизнь засекаемых дворовых противоположена жизни „более пятисот гончих и борзых (живших) в довольстве и тепле“.

Внимательный анализ черновиков „Дубровского“ показывает, что внешние сделки-кондиции Пушкина с правительством Николая нисколько не изменили подлинных, душевных точек зрения Пушкина — недавнего друга декабристов — на жизнь российского Горюхина.

Черновики обнаруживают, что в вопросе о двух дворянствах: старом, дошедшем до полного обнищания (первоначально Пушкин так и определил устами „холопа“ этот тип, как „голо го дворянина“) и дворянстве новом, выдвинутом дворцовыми переворотами, — Пушкин стоял на своей обычной позиции. Голому дворянину — старому Дубровскому с его „расстроенным состоянием“, к которому безусловно привлекаются симпатии читателя, противопоставлен Троекуров в таком контексте: „С л а в н ы й 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору“. В этих, позже вычеркнутых Пушкиным словах, сквозит явный укол новому дворянству, возникшему из „ваксивших царские сапоги“, из выдвинувшихся по родственным связям с участниками дворцового переворота.

Таким образом, в первоначальном замысле „Дубровский“ должен был быть, между прочим, иллюст-

рацией волновавшей Пушкина в эти годы мысли о расслоении дворянства. В основу романа положен вопрос о двух героях, как записал вначале Пушкин, „рожденных в одном сословии“. Оба они секут как своих, так и соседних крепостных, но меж собой они — воюющие феодалы. Их рознь внутри своего „сословия“ определила и роль молодого героя „Дубровского“ (в рукописи он называется также „Островским“ и „Зубровским“), как достойного представителя „древнего дворянского рода, выстоявшего против волн и непогод времени“, как мстителя за унижения своего отца, своего рода. Поддержкой такого „мстителя“, естественно, могла явиться только одна социальная сила — крепостное крестьянство. Его недовольство помещичьим и чиновничьим строем в о б щ е нашло некоторый выход в войне, объявленной одному помещику другим.

Юный Дубровский, в сущности, глубоко чужд этой силе и ее нуждам и интересам, так же как и эта крепостная масса глубоко чужда его интересам. Пушкин характеризует Дубровского так: „Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги“. Крестьяне — случайные попутчики и пособники его, так же как Владимир Дубровский — только случайный их попутчик и вождь. На предложение крестьян: „прикажи, сударь, с судом мы управимся“ Владимир отвечает: „Стойте смирно“.

На призыв крепостного: „Ребята, вязать!“ Дубровский кричит: „Стойте . . . дураки, что вы это? вы губите и себя и меня — ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его — он нас не обидит — мы все его дети — а как ему за вас будет заступаться если вы станете буйствовать и разбойничать“.

Он останавливает кузнеца с топором словами: „Не приказные виноваты“. Поджигая собственный дом, чтобы он не достался личному врагу, он просит отпереть двери, дать возможность спастись приказным. Иное дело Архип. У крестьянства свои думки про милость государеву и свои счета с приказными, он бормочет „как не так, ото при“; когда приказные заживо сгорели, он приговаривает: „теперь все ладно“ и в то же время (Пушкин прекрасно знает психологию крестьянина) с опасностью для себя спасает... „божью тварь“ — кошку.

А Дубровский, силою вещей ставший благородным разбойничьим атаманом, героем романтической мелодрамы, живет в землянке, обвешенной богатыми коврами, с приготовленным для героини „женским серебряным туалетом и трюмо“. Дубровский отказывается ради любви к Маше Троекуровой от мести ее отцу.

Если силою обстоятельств Дубровскому пришлось даже выступать активно и против правительственных войск, то, как только борьба оказалась конченной,

Дубровский покидает своих недавних товарищей со словами: — „вы все мошенники, и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло“.

Соответственно одному из планов неосуществленной, или недошедшей до нас третьей части, Дубровский в свою очередь впоследствии должен был быть предан в Москве, в кабаке, одним из крепостных своей шайки в руки полицмейстера. Любопытно, что в одном из первоначальных планов Пушкин несколько иначе намечал взаимоотношения героя с крепостными: „Люди его питают его и себя как-нибудь. Едет заседатель, люди Островского его убивают из мести. Следствие начинается. Суд приезжает к Остр. Островский заступает за своих людей—вяжет суд и делается разбойником.“

Очевидно, Пушкин изумительной чуткостью художника-реалиста почувствовал надуманность и фальшь подчеркнутого здесь положения и отказался от него, заменив его более правдоподобным мотивом личной, родовой мести.

Уже в следующем плане Пушкиным отмечено: „Ночной пожар (от людей без участия Дубровского), Архип убивает суд“.

Именно в этом мне кажется смысл пушкинской переделки этой важнейшей сюжетной ситуации.

Пушкин не закончил своего историко-социального романа может быть отчасти именно оттого, что социальные моменты явно перевешивали, художественно перевешивали в нем исторический колорит и мелодраму, подсказанную традициями западного „разбойничьего“ романа. Возможно, Пушкину стало ясно, что роман в том виде, как он выходил из-под его пера, не сможет увидеть света.

А между тем уже новый замысел историко-социального романа, давно тревоживший воображение Пушкина, захватил его целиком. 31-м января 1833 г. помечен один из планов „Капитанской дочки“. 7 февраля 1833 г., остановившись на девятнадцатой главе „Дубровского“, Пушкин ходатайствует о предоставлении ему для изучения „Следственного дела“ о своем новом герое, подлинном вожде и организаторе крестьянского восстания — Пугачеве.

Д. Якубович.

О СИМВОЛИКЕ „МЕДНОГО ВСАДНИКА“.

I

Любое из произведений Пушкина ставит перед исследователем какой-либо вопрос, до сих пор окончательно не решенный. Но, повидимому, ни одно из пушкинских произведений не выдвигает столько нерешенных сложных проблем, как „Медный Всадник“. Вопрос о „Медном Всаднике“ — один из самых острых вопросов в пушкиноведении, далеко выходящий за пределы специальных интересов науки о Пушкине.

Критиками и исследователями в течение столетия сделано в отношении „Медного Всадника“ немало. Предложено довольно значительное количество различных толкований скрытого в поэме смысла, ее основной идеи. Мятеж бедного чиновника Евгения против „кумира на бронзовом коне“ толковался то как протест индивидуального начала против коллективной воли, воплощенной в государстве, то — наоборот — как восстание „малых“ и „неведомых“ представителей массы, поднимающих руку на самовластного „героя“ и „гиганта“. Подобные интерпретации пушкинского замысла были достаточно отвле-

ченны. Между тем, еще Брюсов отметил, что „Пушкину не свойственно было олицетворять в своих созданиях такие отвлеченные идеи, как „язычество“ и „христианство“ или „историческая необходимость“ и „участь индивидуальностей“. При всей своей фантастике и несомненной „загадочности“ — „Медный Всадник“ нуждается в реальном социологическом толковании. Символика образов поэмы не имеет ничего общего ни с мистикой, ни с философскими абстракциями.

Вполне понятно, что ни одному из дореволюционных исследователей не удалось дать подлинного социологического комментария к „Медному Всаднику“. Не удалось сделать этого и Брюсову, который дал чисто идеалистическую трактовку поэмы, как изображения борьбы „свободного человеческого духа“ с деспотизмом (понимаемым не как политическая, но как философская категория). Толкование Брюсова своеобразно развивает и объединяет схемы его предшественников (Белинского, Мережковского, Третьяка), но и оно, конечно, может нас удовлетворить еще менее, чем толкование первого критика поэмы — Белинского, в построениях которого все же заключалось зерно реальной политической истины.

Каждое из пушкинских произведений имеет свою историческую „судьбу“. Что касается „Медного Всадника“, — можно сказать, что только в последние

годы исследователям удалось выяснить ряд вопросов о генезисе и истории текста поэмы, а также заново поставить вопрос об ее скрытом политическом смысле.

О существовании этого смысла знали — или догадывались — и современники Пушкина, а тем более те из них, от которых зависела ближайшая судьба поэмы. Как известно, Пушкин пользовался печальной привилегией представлять свои произведения непосредственно на «высочайшую» цензуру. Правда, как теперь выяснено, цензором Пушкина на деле был не сам Николай I, а Бенкендорф или какой-либо „специалист по литературе“ из болгаринского круга. Так или иначе, „Медный Всадник“ не был пропущен цензурой (и при жизни Пушкина в печати появилось только вступление к поэме). Характерно то, что несмотря на видимое восхваление „воли роковой“ Петра I, поэма не была воспринята цензором как апофеоз самодержавия. Наоборот, именно „обожествление“ медного всадника („кумир“, „властелин Судьбы“) показалось цензору подозрительным и вызвало ряд вопросительных и всяких иных знаков.

Запрещение „Медного Всадника“ произвело крайне тяжелое впечатление на поэта. Пушкин не любил — или не мог — распространяться об этом случае. В нескольких письмах поэта и в его дневнике мы находим краткие упоминания о запрете

поэмы, касающиеся почти исключительно того материального ущерба, который потерпел Пушкин, уже заключивший со Смирдиным договор на издание „Медного Всадника“. Конечно „убытки и неприятности“, о которых говорит Пушкин в письмах к Нащокину, не ограничивались одной денежной стороной и были на деле значительно глубже. Оставшийся в рукописи „Медный Всадник“ представлялся Пушкину — и совершенно справедливо — вершиной его поэтической мысли, величайшим достижением его мастерства и вместе с тем — произведением большого общественно-политического значения.

„Пушкин жаждал видеть в печати „Медного Всадника и как автор, и как гражданин, ибо „Медный Всадник“ был для Пушкина не только произведением художественным, но и политическим. Был и еще один мотив жажды, важный, но иного порядка. Пушкину нужны были деньги. И все эти мотивы потеряли для Пушкина всякую силу, когда он увидел, каких изменений, какой переработки текста требуют от него цензурные указания“ (П. Е. Щеголев).

Эту „переработку“ поэмы произвел с легким сердцем Жуковский, уже после смерти Пушкина. Жуковскому — благодушному царедворцу — ничего не стоило вытравить из поэмы весь бунт Евгения, заменить „горделивого истукана“ — „дивным русским великаном“ и вообще придать „Медному Всаднику“ вполне

благонамеренный вид, в котором поэма и была известна читателям в течение многих десятилетий. Надо полагать, что перо Жуковского, „выправлявшее“ поэму, не дрожало. Вероятно, он производил свою „редакторскую“ работу с удовлетворением, — быть может искренно веря в то, что он совершает доброе дело, помогая творению Пушкина появиться в свет.

II

Восстановление подлинного текста поэмы и исследование ее истоков проливают некоторый свет на „загадку“ „Медного Всадника“.

Эта поэма, сгустившая в себе творческую энергию огромной напряженности, была написана между 6 и 31 октября 1833 г. в том самом Болдинском уединении, которое тремя годами ранее уже вошло в биографию поэта своей великолепной осенью (1830 года).

Никаких прямых указаний на возникновение замысла „Медного Всадника“ ни в переписке поэта, ни в каких-либо других документах мы не находим. И в самый период создания поэмы Пушкин пишет из Болдина письма исключительно жене, с которой поэт вообще почти не делился своими творческими планами. Конечно, в этих письмах, посвященных главным образом семейным темам, нет никаких намеков на замысел „Медного Всадника“.

Однако, у Пушкина есть стихотворение, вернее — набросок начала „сатирической поэмы“ (определение автора), которое находится в несомненном родстве с „Медным Всадником“. Это — „Родословная моего героя“ („Езерский“), первоначальный набросок которой был сделан, повидимому, в ноябре 1830 г., вероятно, в том же Болдине.

В своем окончательном виде „Родословная моего героя“ не имеет внешне почти ничего общего с „Медным Всадником“, если не считать сходства в социальном положении и происхождении героев: Евгений „Медного Всадника“ и Езерский „Родословной“ принадлежат к старинным, находящимся в бедности и упадке дворянским родам. Езерский —

... жалованьем жил
И регистратором служил.

Евгений —

... Живет в Коломне, где-то служит.
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

Тема „Родословной моего героя“ — классовое самосознание дворянства и его историческая роль, сожаление о бледнеющем блеске „родов боярских“ — тема, как мы знаем, очень острая и актуальная для Пушкина тридцатых годов, но в „Медном Всаднике“ звучащая очень глухо.

К этому вопросу мы еще вернемся. Творческая связь „Родословной моего героя“ с „Медным Всадником“ вскрывается совершенно точно на основании черновых вариантов неоконченной поэмы об Езерском. Эта последняя начинается в черновиках описанием ненастного осеннего вечера, грозящего наводнением „омраченному Петрограду“. Изучение рукописей „Родословной“, произведенное Н. В. Измайловым, показывает, что единства в замысле этой поэмы не было, повидимому с самого начала работы. Пушкин работал одновременно и параллельно над двумя редакциями поэмы с двумя различными героями (один из них — светский дэнди онегинского типа, другой — бедный чиновник „в конурке пятого жилья“ или в „чулане“). Езерский в окончательной редакции „Родословной“ ближе, конечно, ко второму из этих вариантов. В „Медном Всаднике“ героем является уже определенно второй из этих социальных типов, интересовавший Пушкина в эти годы.

Вопрос о родстве „Родословной моего героя“ и „Медного Всадника“ решался различно. Одна теория — господствующая до сих пор, хотя и оспариваемая некоторыми исследователями, — утверждает первичное единство замысла этих произведений, связанных между собою и эпохой их создания и общностью героев. Другое решение этого вопроса, подкрепленное текстологическими изысканиями и некоторыми основательными соображениями, говорит о том, что „Ро-

дословная“ и „Медный Всадник“ — два самостоятельных различных замысла, „хотя и возникшие и обработанные на одном материале“. Однако, этот вопрос не имеет для нас существенного значения. Ведь так или иначе, родственная связь между так называемым „Езерским“ и „Медным Всадником“ существует. Каков был первоначальный замысел „Езерского“ — сказать невозможно, несомненно только то, что его материалом Пушкин отчасти воспользовался при создании „Медного Всадника“. Большую степень вероятности имеет предположение Третьяка о том, что „Медный Всадник“ является своеобразным поэтическим ответом Пушкина Мицкевичу — на поэму последнего „Dziady“, представляющую резкий выпад против русского самодержавия и петровской столицы — Петербурга. Эти стихи Мицкевича, действительно, обладают большой сатирической силой, и Пушкин, познакомившийся с ними в июле 1833 г. мог и должен был воспринять их, как удар, направленный против своих национально-политических идеалов.

Наконец — если проследить в творчестве Пушкина возникновение мотивов „Езерского“ — нельзя не упомянуть о стихотворении „Моя родословная“, написанном в том же 1830 г., к которому, повидимому, относится первый набросок „Родословной моего героя“. Тема „родословной“, т. е. проблема упадка старинных дворянских родов в связи с пере-

ходом некоторых их представителей в „мещанство“ или третье сословие („tiers-état“) глубоко волновала Пушкина. В обеих „Родословных“ имеются полностью совпадающие мотивы, — напр., ироническая декларация автора о своем „мещанстве“. Характерно и то, что в „Моей родословной“ появляется в *post scriptum* образ „шкипера славного“ — Петра.

III

Отношение Пушкина к Петру I было двойственным. Петр был для Пушкина „одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощенная революция)“. В другом месте Пушкин называет Петра „нетерпеливым самовластным помещиком“. „Революционность“ Петра Пушкин видел прежде всего в уничтожении им „боярства“ — старинного русского дворянства. Отдавая должное „обширному уму“ Петра, его организаторской деятельности, Пушкин отрицательно относился к его политике террора, направленной именно против дворянства, историческая роль которого столь занимала Пушкина.

Противоречия в отношении Пушкина к личности Петра были характерным отражением противоречий социального бытия и политического мировоззрения поэта. Пушкин — потомок обедневшего „600-летнего“ рода — сознавал себя, и фактически был „мещанином“, живущим на литературный заработок. Писательская профессия понемногу изменяла со-

*

циальную природу поэта, который, однако субъективно не хотел терять связей со своим классом. Именно к тридцатым годам — быть может, и в силу общественно-политической обстановки — относятся наиболее яркие попытки Пушкина утвердить свое классовое самосознание уже на консервативной почве.

Однако, в империи Николая I другие пути для „старинного дворянства“ были закрыты. Пушкин вынужден был примириться с „исторической необходимостью“, но это примирение, отход на внешне консервативные позиции был связан у поэта с политическим пессимизмом. Отсюда, в конечном итоге, и скептическая оценка Пушкиным декабрьского восстания 1825 года, как „безумного“ акта.

Из этих — в основном — положений исходит Д. Благой в своей „разгадке“ „Медного Всадника“. Путем привлечения большого материала Благой приходит к выводу, что „Медный Всадник“ — „символическая поэма“ с реальной социально-политической символикой.

В основе замысла „Медного Всадника“, по мнению Благого, находится „художественное отражение декабризма“ в двух образах-символах, олицетворяющих русскую самодержавную государственность и „старинное дворянство“, вышедшее на „площадь Петрову“ 14 декабря 1825 года. В поэме дается не „аллегорическое изображение“ восстания декабристов, — это событие поднято Пушкиным „на высоту

величайших художественных и философских обобщений“.

Надо сказать, что аргументация Благого в целом довольно убедительна и достаточно тонка. Действительно, очень возможно, что Пушкин (сознательно или нет — это другой вопрос) придал своей поэме именно такой политический смысл, соответствующий взглядам поэта на неудавшуюся декабрьскую революцию и являющийся ответом на „вызов“ Мицкевича.

Во всяком случае, гипотеза Благого является первой попыткой реального социологического истолкования „Медного Всадника“. Сделанное Благогим должно послужить основой для продолжения и углубления исследования поэмы. Марксистская литературная наука по существу еще не подошла к Пушкину и здесь еще предстоит открытия и разрушения установившихся мнений. Наконец, и находки новых материалов и текстологические исследования могут неожиданно пролить новый свет на ряд вопросов.

Нам представляется возможным, например, следующее уточнение и развитие построений Благого. Если декабрьская революция, воплощенная в образе „безумца бедного“ — Евгения, представлена Пушкиным, как попытка с негодными средствами, как пустая угроза „горделивому истукану“, — то не является ли основным смыслом поэмы — мысль о свое-

образной „революции сверху“, воплощенной в „ужасном“ образе Петра, диктатора и „властелина Судьбы“ („Наполеона и Робеспьера“, ср. выше). Вопрос заключается в том, какую сторону личности Петра стремился Пушкин акцентировать в поэме. Столкнув в форме грандиозных символов две исторические силы, Пушкин одну из них (Евгения) по существу лишил всякой способности к революционному действию, другую же наделил атрибутами революционной — разрушительной и созидательной — воли. И возможно, что апелляция к историческому прошлому, в представлении Пушкина аналогичному Великой французской революции, понадобилась поэту в качестве своеобразного оправдания своих политических воззрений, испытавших чувствительный укол от ядовитых стрел сатиры Мицкевича.

Таким образом символика поэмы могла бы означать следующее. Революционные силы, носителем которых Пушкин считал „старинное дворянство“, не способны претворить в жизнь свои намерения (Евгений — фигура достаточно жалкая, его порыв заранее обречен на поражение). Подлинная „революция“ в русской истории произведена Петром, и он — Медный Всадник — мстит за все попытки продолжить его дело иными путями, оберегая незыблемость императорской власти, им созданной и укрепленной.

IV

Лирика, риторика, эпос — три стихии поэтического творчества представлены в „Медном Всаднике“. Лирика — личная заинтересованность поэта в теме, его отношение к ней и к миру, риторика — политический пафос, полемическая заостренность темы; эпос — повествование о событиях с необходимым спокойствием и объективностью рассказчика. Трудно найти другое поэтическое произведение, в котором столь же нераздельно сочетались бы все эти элементы, в поэзии обычно разрозненные. „Медный Всадник“ — блестящий образец для изучения (не для подражания), для усвоения принципов творческого метода Пушкина, еще далеко не изученных. В современных литературных дискуссиях уже намечается, как вывод, необходимость органического соединения элементов лирики, риторики и эпоса в нашей поэзии. Методы этого синтеза можно исследовать на примере немногих произведений, подобных „Медному Всаднику“.

И, наконец, богатый материал для анализа представляют самые изобразительные средства поэмы, ее неожиданные образы и сравнения:

И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь...

(ср. в „Полтаве“ — „Как пахарь, битва отдыхает“), в особенности же целые системы слуховых образов,

неотделимых от звуковой фактуры стиха — в описаниях наводнения и классической погони Медного Всадника:

Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье...

Здесь Пушкин, как было уже однажды отмечено критикой, шел от державинского стиха с его громоподобным звучанием, звоном металла. И в этом — один из многих примеров того, как Пушкин усваивал и перерабатывал наследие своих предшественников, переплавляя их достижения в своем творческом огне.

Инн. Оксенов.

НОВОСЛАВЪ.

1833.

О „ПИКОВОЙ ДАМЕ“.

I

«Пиковая Дама» возникла на путях смыкания бытовой новеллы с исторически-документированным материалом. Элементы фантастического „гофмановского“ стиля в последний раз прозвучали здесь в пушкинской прозе, замыкая линию „Гробовщика“ и замысла „Уединенного домика на Васильевском острове“. И если сквозь фантастику „Гробовщика“ явственно видна уже реалистическая мотивировка, то „Пиковая Дама“ — столь же произведение высокого художественного реализма, как и тончайшей, едва не переходящей в мистику, фантастики.

Несмотря на незначительный объем и предельную сжатость выражения, эта повесть имеет узловое значение для пушкинской прозы — в ней как в фокусе слились важнейшие основные линии пушкинского повествования: здесь и герой с демоническими чертами, из Сильвио (в „Выстреле“) превратившийся в Германна, и чередующиеся зарисовки картин исторического прошлого Франции и России (как в „Арапе Петра“), и городской быт маленьких людей (отрывки из „Романа в письмах“, „Мария

Шонинг“), и попытки светского, „гостинного“ романа („Пелам“, неоконченные прозаические наброски) и мистический ответ, борющийся с трезвым реализмом („Гробовщик“), и документация исторической дворянской повести ссылками на исторических людей (метод „Дубровского“ и „Капитанской Дочки“).

Между тем „Пиковая Дама“ — одно из немногих прозаических произведений Пушкина, от которого не дошло до нас ни одной рукописи. Дошли лишь приступ к повести („Года 4 тому назад жил я“) и один отрывок (о Шарlotte Миллер и Германне), условно приурочиваемый к повести, да трехстрочная зачеркнутая запись с именами Чекалинского и Нарумова: „Чекал. глазами отыскал Нарумова. Как зовут Вашего приятеля — спросил Грн. у Нар. —“.

Датировка повести до сих пор не выяснена. Вероятно, Пушкин, использовав свои старые черновики, писал „Пиковую Даму“ осенью 1833 г. В селе Павловском должны были ожить перед ним старые материалы „Романа в письмах“, связанные с Павловским же, могли быть использованы в „Пиковой Даме“ (письмо 8-ое, воспитанница Лиза).

В Болдине (октябрь-ноябрь), отдыхая после Оренбургского путешествия, обдумывая „Пугачева“, Пушкин так характеризовал свою жизнь жене: — „начал многое“, „я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины.

Надеюсь что Смирдин аккуратен“. И еще: „недавно расписался и уже написал пропасть“ (30 октября).

По сообщению П. В. Нащокина, Пушкин сам однажды читал ему „Пиковую Даму“. Это вряд ли могло быть в дни свидания их (26-29 августа) в Москве. Скорее, если принять, что повесть написана в Болдине, такое чтение происходило в середине ноября (до 20-го), когда Пушкин возвращался из Болдина через Москву в Петербург и вновь виделся с приятелем.

Собираясь, согласно договоренности со Смирдиным, участвовать своим урожаем 1833 года в организованной Смирдиным „Библиотеке для чтения“, Пушкин 6 декабря 1833 года просит Бенкендорфа о разрешении ему сотрудничать в этом журнале. Очевидно, к этому времени, во всяком случае, „Пиковая Дама“ в основном готова. Несколько вышеприведенных фраз, касающихся последней сцены „Пиковой Дамы“ (знакомство с Чекалинским) сохранились на обороте письма Бенкендорфа от 26 февраля 1834 года.

Цензурное разрешение тома второго „Библиотеки для чтения“, в котором повесть была напечатана (стр. 109-140), помечено: „1834 года Генваря 31 дня“. Книжка вышла 1 марта. Пушкин подписал повесть только буквой „Р“ (Rouchkine), видимо, не желая раскрывать своего имени из опасений нападок со стороны „света“. Этой же буквой и раньше и позже

подписывал он вещи, авторства которых он почему-либо сначала не хотел обнаруживать — заметки в „Литературной газете“, „Скупого Рыцаря“.

Однако, уже 7 апреля 1834 г. он записал в своем дневнике: „Моя Пиковая Дама в большой моде — игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой Графиней и кн. Н. П. (Голицыной) и кажется не сердятся“...

Летом того же года Пушкин перепечатал повесть с легкими поправками при втором издании „Повестей изданных Пушкиным“.

II

Тема о волшебной карте, превращающейся в старуху, для Пушкина имела два круга источников. Прежде всего, личная практика „поэта-игрока“ сказалась. Где-нибудь над зеленым столом у Вьельгорских или Вульфов (Вульф приводит пушкинскую фразу: „Страсть к игре есть самая сильная из страстей“) мог возникнуть аналогичный миф о вещей карте и ее „оживления“, где-нибудь в кругу Загряжской или Голицыной могли быть слышаны обычные для игроков анекдоты об удивительной цепи случайностей.

Первые замыслы „Пиковой дамы“, надо полагать, восходят еще к 1828—1830 гг., годам, когда сам Пушкин был особенно близок к миру карт и игроков. Характерно, что эпиграфом к I главе выбран припев „рукописной баллады“ — „Так в ненастные

дни“, а эта игорная частушка безусловно восходит к 1828 году. В это время Пушкин нередко „всю ночь, увы, понтировал“, „отписывая мелом“ с А. Олениным, Киселевым, кн. Сергеем Голицыным и Полторацким; играя по выражению Вяземского „не на живот, а на смерть“. Книги по карточной игре сохранились в библиотеке поэта, строфы „Онегина“ посвящены картам, Сильвио и молодой Дубровский увлекаются картами...

Известны карточные битвы Пушкина с Великопольским (1828 г.). Его карточные встречи у Назимова, проигрыши москвичу-игроку Огонь-Догановскому (1830 г.) едва ли не сказались в выборе фамилии Нарумова и в образе Чекалинского. Сам Пушкин писал в январе 1832 г. „От карт и костей отстал я более двух лет“. Карточные воспоминания и черновые зарисовки мира игроков этих лет несомненно принадлежат первому слою „Пиковой Дамы“. Пушкин сам признавался:

Мне досталась на часть
Одна губительная страсть —
Страсть к банку! Ни любовь свободы,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет,
Налево ль выпадет валет.

Уже раздался звон обеден,
Среди разбросанных колод
Дремал усталый банкомет,
А я все также бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Гнул угол третьего туза.

В связи с картами всплыла и легенда о Сен-Жермене. Вяземский сообщает о встрече старика Юсупова с Сен-Жерменом и их беседе о тайне долгоденствия. Нащокин указывает, что анекдот о Сен-Жермене, назначившем три выигранных карты старой Голицыной, прямо был рассказан Пушкину внуком самой „усастой княгини“.

Анекдот о магической карте пробудил в Пушкине и его знание широчайшей литературной традиции от внимания к примитивной литературе гадательных книг с тайной символикой карт (эпиграф к повести) через учет мемуарно-бытовой карточной легенды (Казанова, Калиостро), до использования общеизвестных в его время изображений жизни игрока в большой литературе (Гофман, Бальзак, Дю-Канж и др.).

III

„Пиковая Дама“, прежде всего, городская петербургская новелла. Место действия ее „одна из главных улиц Петербурга“... „дом старинной архитектуры“, позолота старо-дворянских *intérieur*'ов. С аристократическим Петербургом контрастно пере-

плетен и Петербург чиновничий, мелко-военный, гоголевский — с будочниками, с „Ванькой на тощей кляче своей“, с тусклыми фонарями, заносимыми снегом. В этом Петербурге нашел Пушкин „узкую витую лестницу в комнату воспитанницы“, одинокие хождения героя по улицам, „обеда в уединенном трактире“, горячечный золотой бред бедного инженерного офицера, живущего „в смиренном уголке своем“, галлюцинации, кончающиеся Обуховской больницей.

Противоречия одновременно и золотого и нищего Петербурга 30-х годов, его социальные контрасты — фон повести, раскрывающий возможность призрачных мечтаний о спасителе-золоте, которыми скованы мысли маленького бедного героя.

Соответственно с этим повесть строится Пушкиным вокруг трех основных „героев“. Между представителями двух социальных слоев (графиней и приживалкой), как протест против социальной действительности, возникает образ Германа с нарочито-подчеркнутой трезвенностью его натуры. Пушкин подсказывает этим, что обычный здоровый Германн, расчетливый и аккуратный немец Германн, внешними социальными условиями неизбежно обречен на трагедию. Как только к этому, в сущности уже горячему материалу, подносится огонь в виде анекдота-сказки о волшеббно-выигрывающих картах, он вспыхивает на этом пламени и испепеляется.

Первая „героиня“ — старуха. Она несомненно задумана Пушкиным как сатирический символ старого придворного общества. Не даром чувствуется боязнь Пушкина, чтобы не рассердились при дворе на это зеркало... В самом деле, верхушке дворянского общества, „свету“ — в грибоедовских тонах был преподнесен довольно горький портрет влиятельнейшей дворцовой фаворитки, „знатной старухи“, холодной эгоистки, самодурки, участвовавшей „во всех суетностях большого света“, „таскающейся“ на балы „как уродливое и необходимое украшение бальной залы“, принимающей у себя „весь город“, страшной мумии, качающейся „по действию скрытого гальванизма“. Заостренность пушкинской сатиры особенно была опасна в том месте повести, где „славный проповедник“ говорит над гробом графини о ней как о „праведнице“, „которой долгие годы были тихим умилительным приготовлением к христианской кончине“ ..., которая „бодрствовала в помышлениях благих и в ожидании жениха полунощного“.

Характерно (на что никогда не обращалось внимания), что этот иронический выпад против лицемерия духовенства был еще более раскрыт Пушкиным, когда он увидел, что при дворе „не сердятся“. Тогда в издании „Повестей“ Пушкин, насмелев, счел возможным уже прямо заменить туманные слова „славный проповедник“ (которые могли относиться

и к светскому лицу) — словами: „молодой архиерей“.

Для изображения старой графини Пушкин тщательно всматривался в остатки уходящего века, в отживающих представителей класса, жизнь которого он хотел художественно закрепить. Такими живыми древностями, могущими играть роль исторического документа, были великосветские старухи: Загряжская и девяностолетняя Голицына — современница Елизаветы, жившая жизнью фрейлины при пяти императрицах. Конечно, рассказы этих старух были той почвой, на которой выросло угадывание эпохи, сочетавшееся с собственными переживаниями художника. В течение нескольких лет записывал Пушкин „Застольные анекдоты“ и „Разговоры“ Загряжской, принимавшей Пушкина по его словам „за своим туалетом, как хорошенькая женщина прошедшего столетия“. Живые особенности былой речи, интонации, словечки помогали художнику заглядывать за временную грань. По словам Вяземского, Пушкин „ловил при ней (Загряжской) отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую“.

Вторая, контрастно противопоставленная первой, героиня — Лизавета Ивановна. Пушкин уже в 1829 году обратил внимание на тип воспитанницы в так называемом „Романе в письмах“. Здесь были

подчеркнуты в первом письме героини (также Лизы) тягостная зависимость положения воспитанницы, „мелочные горести“, неразлучные „с этим званием“, болезненные уколы, „когда самолюбие прилежно замечает и малейший оттенок небрежения“. Пушкин утвердил в литературе тип героинь, „состоящих на правах дальних родственниц, demoiselles de compagnie“, перенеся этот тип „смирненной демократки“ в „Пиковую Даму“. Здесь героиня еще упрощена, еще более снижена социально. Лизавета Ивановна превращена в полу-служанку, лишенную интересов, нарисована „горечь зависимости“ бедной приживалки, „домашней мученицы“. Поразительно внимание, с которым Пушкин, не без влияния гоголевского „натурализма“, остановился на болезненных переживаниях этого забитого существа, на теме „горек чужой хлеб“ и даже на картинах обстановки — „бедной комнате, где стояли ширмы, оклеенные обоями, комод, зеркальце, крашенная кровать и где сальная свеча темно горела в медном шандале“.

Устроив в эпилоге повести мещанскую судьбу Лизаветы Ивановны, Пушкин вскользь дал один примечательный типизирующий штрих: „У Лизаветы воспитывается бедная родственница“. Читатель волен догадываться, что на последней бедная Лиза вымещает собственную школу жизни.

Третий — в сущности говоря главный, единственный герой повести — Германн.

Он пренебрегает любовью Лизаветы Ивановны и жизнью старой графини, потому что ему, одержимому страстью (пусть это всего только подсказанная новой эпохой страсть к наживе), кажется „все дозволенным“. Германи — огненная душа демона, Мефистофеля, Наполеона, заложенная в оболочку бедного, аккуратного инженерного офицера. Несоответствие взрывает форму. Пушкин один из первых дает в русской реалистической литературе картину почти клинического анализа этого стремительного процесса. Германи — несмотря на свои индивидуальные отличия, — родич Езерского „Родословной моего героя“ и Евгения „Медного Всадника“. Родич и по протесту и по безумию. Почти рядом с ним, за ним идет уже гоголевский Поприщин.

Любопытно, что в том же томе „Библиотеки для чтения“, где появилась „Пиковая Дама“, напечатана рецензия („Литературная Летопись“) на драму „Игроки“, сочинение А. С., шедшую 5 февраля 1834 г. В рецензии, между прочим, говорится: „Страсть к азартным играм — гибельнейшая страсть... Сколько выведено на сцены, — Испанскую, Английскую, Немецкую, Французскую, Шведскую и Русскую — жертв несчастной страсти... В драме „Игроки“ выведен молодой человек, завлеченный игроком — разбойником в его сети, он проигрывает все свое имение, лишается обожающей его подруги, и делается невольным убийцею ближнего“ и т. д.

*

На таком фоне появилась перед современниками повесть Пушкина. И, несмотря на ряд традиционных черт сюжета, обнаженных даже в этой вульгарной рецензии, напечатанной рядом, повесть Пушкина была сразу же отмечена, не спутана с обычным ходовым жанром. Ее стиль, вдохновенная быстрота и легкость переходов полу-волшебного, полу-реалистического сюжета, уже в единодушных оценках современников сделали „Пиковую Даму“ классическим произведением.

„Вы начинаете новую прозу“... „Это язык ваших стихов, понятый и оцененный равно во всех классах, который вы переносите в вашу прозу рассказчика“ восторженно писал Пушкину Сенковский.

Германн — „колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип“ сказал позже Достоевский.

„Пиковая Дама“ осталась одним из наиболее мастерских созданий дворянского периода русской литературы.

Д. Якубович.

ГЛАВНЕЙШИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В 1833 ГОДУ.

Я н в а р ь.

- 1 — Пушкин в Петербурге. Помета под 15 главою „Дубровского“. Дата под стих. „Подражание древним“ — „Славная флейга, Феон...“ (Из Афеня).
- 2 — Дата под стих. „Юноша, скромно пируй...“ и стих. „Вино“ — „Злое дитя...“ (Из Иона Хиосского).
- 3 — Помета под 16 главою „Дубровского“.
- 6 — Помета под 17 главою „Дубровского“.
- 7 — Избрание Пушкина в члены Российской Академии по предложению А. С. Шишкова.
- 12 — Дата под стих. „Подражания древним“ — „Чистый лоснится пол...“ (Из Ксенофана Колофонского).
- 15 — Помета под 18 главою „Дубровского“.
- 22 — Помета под 19 главою „Дубровского“.
- 28 — Пушкин первый раз присутствовал на заседании Российской Академии.
- 31 — Наброски плана, относящиеся к „Капитанской дочке“ („Швавич за буйство сослан в гарнизон“).

Ф е в р а л ь.

- 4 — Пушкин присутствовал на заседании Российской Академии.
- 6 — Дата в конце сохранившегося текста „Дубровского“. Пушкин присутствовал на похоронах Н. И. Гнедича (умер 3 февраля) и помогал нести гроб его из церкви на кладбище Александро-Невской Лавры.
- 7 — Письмо Пушкина к военному министру гр. А. И. Черны-

шеву с просьбой разрешить ему ознакомиться с архивными материалами для составления истории Суворова и в частности с следственным делом о Пугачеве.

- 19 — Выход в свет „Домика в Коломне“ в альманахе „Новоселье“.
25 — Пушкин присутствовал на заседании Российской Академии.

М а р т.

- 11 — Пушкин присутствовал на заседании Российской Академии.
14 — Помета под статьей „О сочинениях П. А. Катенина“. Статья вышла в свет около 1 апреля в „Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду“, № 26.
18 — Пушкин присутствовал на заседании Российской Академии.
ок. 23 — Выход в свет полного „Евгения Онегина“ в издании А. Ф. Смирдина.
26 — Пушкин вписал 26 стихов, нач. словами: „Господина Шафонского...“ в шуточное послание кн. П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому. К этому же времени относится „Свят Иван — как пить мы станем...“

А п р е л ь.

- 11 — Помета под заметкой об отце И. А. Крылова в материалах для „Истории Пугачева“.
18 — Дата окончания стих. „Гусар“. Выход из печати этого стих. см. под 31 декабря.

М а й.

- 6 — Родители поэта приехали в Петербург из Москвы, и Пушкин с женою навестили их.
13 — Пушкин был на заседании Российской Академии.¹
до 24 — Переезд Пушкина с семьею на дачу Миллера, на Черной речке.
26 — Пушкин получил с места службы, из Департамента ховяй-

¹ Дата устанавливается впервые.

ственных и счетных дел министерства иностранных дел билет на поездку на 2 дня в Кронштадт.¹

Июнь.

- 10 — Пушкин присутствовал на заседании Российской Академии.
29 — Пушкин в гостях у приехавшего в Петербург из Москвы П. В. Нащокина.

Июль.

- 6 — Рождение у Пушкина первого сына, Александра (ум. в 1914 г.)
22 — Возвращение из-за границы С. А. Соболевского.

Август.

- 5 — Черная речка. Дата под ранним предисловием к „Капитанской дочке“ („Любозный ввук мой, Петруша!“).
7 — Письмо к Пушкину А. Н. Мордвинова с извещением, что Николай I, согласно просьбе поэта, разрешил ему поездку в Оренбург и Казань сроком на 4 месяца.
12 — Свидетельство об отпуске Пушкина.
17 — Отъезд Пушкина с С. А. Соболевским из Петербурга.
19 — Приезд в Торжок.
20 — Отъезд Пушкина из Торжка в Ярополец. С. А. Соболевский расстался с Пушкиным утром.
21 — Приезд Пушкина вечером в имение П. И. Вульфа (с. Павловское, Тверской губ.).
23 — Приезд Пушкина вечером в Ярополец (Волоколамского у.) к теще, Н. И. Гончаровой.
На 25 — в ночь. Отъезд в Москву.
25 — Приезд в Москву. Пушкин остановился в доме Гончаровых на Б. Никитской ул., ныне не существующем. Встречи его в Москве в этот и следующие дни с С. А. Соболев-

¹ Дата устанавливается впервые.

ским, С. П. Шевыревым. П. В. Нащокиным, М. П. Погодиным, И. В. Киреевским, М. О. Судзенко и др.

28 — Встреча в Москве с Н. Н. Раевским.

29 — Прощальный обед у П. В. Нащокина и выезд Пушкина из Москвы в Нижний-Новгород.

С е н т я б р ь.

1 — Помечен контракт Пушкина на наем квартиры в доме А. К. Оливье на Пантелеймоновской ул. в Петербурге. Н. Н. Пушкина с семьей переехала на эту квартиру с дачи несколько позже.

2 — 3 — Приезд и пребывание Пушкина в Нижнем-Новгороде.

3 — Отъезд из Нижнего-Новгорода в Казань.

5 — Приезд в Казань. В Казани встреча с Е. А. Боратынским, знакомство с А. А. и К. Ф. Фуксами.

6 — Помета под наброском 7 главы „Истории Пугачева“, в Казани.

7 — Посещение Пушкиным купца Л. Ф. Крупеникова, знавшего Пугачева.

8 — Отъезд из Казани в Симбирск. Заезд по дороге в г. Лаишев.

9 — Приезд в Симбирск. Встреча и разговор с И. А. Второвым.

10 — Поездка в с. Языково, имение Языковых в 65 верстах от Симбирска, где Пушкин застал Петра Мих. Языкова.

12 — Пребывание у Языковых и возвращение в Симбирск.

На 13 — в ночь. Пушкин выехал из Симбирска в Оренбург.

14 — Возвращение в Симбирск. Пушкин у Симбирского губернатора А. М. Загряжского.

15 — Дата под рисунком Пушкина, изображающим дом Н. М. Карамзина в Симбирске, с пометой „Волга“. Помечен набросок „В мои осенние досуги...“

Середина сентября — записи песен: „Из Гурьева городка протекла кровью река...“, „Уральские казаки были дураки...“, „В славной Муромской земле...“

- 16 — Запись Пушкина в записной книжке слов мордвина: „Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать“.
- 18 — Приезд Пушкина в Оренбург. Пушкин остановился в доме Оренбургского губернатора В. А. Перовского.
- 19 — Осмотр вместе с В. И. Далем города и поездка в Берды. Пушкин расспрашивал очевидцев о Пугачеве. Беседа поэта с 75-летней казачкой о Пугачеве.
- 20 — Отъезд из Оренбурга в Уральск.
- 23 — Отъезд из Уральска.
- 29 — Вторичный заезд в село Языково. Встреча со всеми тремя братьями Н. М., А. М. и П. М. Языковыми.
- 30 — Отъезд из с. Языкова в Болдино.
„Сентябрь, дорога“ — помета под стих. „Когда б не смутное влечение...“

О к т я б р ь.

- 1 — Приезд в с. Болдино, где Пушкин оставался до середины ноября.
- 6 — Помета на черновом листке с началом „Медного Всадника“.
- 8 — Пушкин сообщает жене, что приводит в порядок свои записи о Пугачеве.
- 14 — Окончена „Сказка о рыбаке и рыбке“.
- 19 — Празднование лицейской годовщины в Петербурге в отсутствие Пушкина.
- 24 — Помета под первую часть одной из рукописей „Анджело“.
- 26 — Помета под вторую часть „Анджело“.
- 27 — Помета под третью и последнюю часть „Анджело“.
- 28 — Помета под стих. „Воевода“ и „Будрыс и его сыновья (из Мицкевича)“.
- 29 — Помета под вступлением к „Медному Всаднику“ — „На берегу пустынных волн...“
- 30 — Помечена первая часть „Медного Всадника“. В письме к жене Пушкин отмечает: „Недавно расписался и уже написал пропасть“.

31, 5 час. 5 мин. — Помечена вторая часть „Медного Всадника“.

Н о я б р ь.

- 2 — Закончена „История Пугачева“. Дата под предисловием.
- 4 — Окончена „Сказка о мертвой царевне и семи богатырях“.
- Середина ноября — Отъезд Пушкина из Болдина в Москву, где он проводил все время у П. В. Нащокина, у которого и останавливался (Остоженка, д. № 16).
- 20 — Возвращение Пушкина в Петербург (Пантелеймоновская ул., дом А. К. Оливье, теперь ул. Пестеля, д. № 5).
- 24 — Первая запись в дневнике, который Пушкин вел с перерывами до февраля 1835 г. Пушкин в этот день обедал у Е. А. Карамзиной, видел В. А. Жуковского, вечером был на рауте у Австрийского посланника Фикельмона, где встретил бывшего Молдавского господаря кн. Михаила Суццо. Разговор с ним о декабристе П. И. Пестеле.
- 27 — Запись в дневнике. Пушкин обедал у В. В. Энгельгардта и вечером был у кн. П. А. Вяземского.
- 28 — Запись в дневнике. Пушкин на рауте у С. В. Салтыкова.
- 29 — Запись в дневнике, между прочим, и о бар. Геккерене-отце. Пушкин был на балу у Д. П. Бутурлина.
- 30 — Запись в дневнике.

Д е к а б р ь.

- 2 — Н. В. Гоголь читал Пушкину „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“.
- Помета под отрывком („Шоссе“) из „Мыслей на дороге“.
- 3 — Запись в дневнике.
- 4 — Вечером Пушкин у Н. К. Загряжской. Запись в дневнике исторических анекдотов (о кн. Е. Р. Дашковой и др.).
- 6 — Запись в дневнике. Пушкин обедал у гр. А. А. Бобринского. И. П. Мятлев читал свои стихи.
- Письмо Пушкина к А. Х. Бенкендорфу с просьбою представить Николаю I „Историю Пугачева“.

- 9 — Помета под главою из „Мыслей на дороге“ („Разговор с англичанином“), и под наброском „Толпа глухая, крылатой истины любовница слепая...“
- 12 — Пушкин был у А. Х. Бенкендорфа, который возвратил ему рукопись „Медного Всадника“, с замечаниями Николая I и с цензурными пометами. В письме к П. В. Нащокину (в перв. пол. декабря) Пушкин отмечает, что „Медного Всадника Цензура не пропустила“
- 14 — Запись в дневнике о „Медном Всаднике“.
- 15 — Запись в дневнике. Пушкин был на балу у кн. В. П. Кочубя.
- 17 — Запись в дневнике. Вечером Пушкин у В. А. Жуковского, где слушал чтение „Фауста“.
- 30 — „Пожалование“ Пушкина в камер-юнкеры двора Николая I.
- 31 — Разрешен к печати I том „Истории Пугачевского бунта“.
- Выход в свет „Гусара“ — „Скребицей чистил он коня...“ в первой книжке „Библиотеки для чтения“ за 1834 г.
- Пушкин встречает новый год у Н. К. Загряжской.

В 1833 году написаны: „Пиковая Дама“, неоконченная „поэма о Тазите“, стихотворения „Осень“, „Не дай мне бог сойти с ума“, начата „Сказка о золотом петушке“ и др. (точные даты не установлены).

Л. Модзалевский.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

к важнейшим произведениям Пушкина 1833 г.

I. „ДУБРОВСКИЙ“.

1. Текст и примечания под редакцией Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича (в полном собрании сочинений Пушкина, ГИХЛ, 1932, т. IV).
2. А. И. Яцимирский — Дубровский (Пушкин под редакцией С. А. Венгеров, т. IV, 1910).
3. Б. В. Томашевский — Судьба „Дубровского“ („Книга и революция“, 1923, №№ 11—12).
4. И. Н. Кубиков — Социологический смысл повести „Дубровский“ („Пушкин“, сб. II, редакция Н. К. Пиксанова, ГИЗ, 1930).

II. „МЕДНЫЙ ВСАДНИК“.

1. Текст под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева (в одномтомном собрании сочинений Пушкина, ГИЗ, 1930).
2. В. Я. Брюсов — Медный Всадник („Мой Пушкин“, ГИЗ, 1929).
3. П. Е. Щеголев — Статья к „Медному Всаднику“, П. 1923, изд. Комитета популяризации художественных изданий, с рис. А. Н. Бенуа.
4. Н. В. Измайлов — Из истории замысла и создания „Медного Всадника“ (Пушкин и его современники, изд. Академии Наук СССР, Л, 1930, вып. 38—39).
5. Д. Д. Благой — Медный Всадник („Социология творчества Пушкина“, 2 изд., 1931).

III. „АНДЖЕЛО“.

1. Текст под редакцией Б. В. Томашевского (Полн. собр. соч. Пушкина, ГИХЛ, 1931, т. III).
2. П. О. Морозов — Анджело (Пушкин, редакция С. А. Венгерова, 1909, т. III).
3. Б. В. Томашевский — Анджело (Полн. собрание сочинений Пушкина, приложение к „Красной Ниве“, т. VI, стр. 36, 1931).

IV. „ПИКОВАЯ ДАМА“.

1. Текст — Пиковая Дама, издание Голике и Вильборг, П., 1917.
2. Н. О. Лернер — История „Пиковой Дамы“ („Рассказы о Пушкине“, Прибой, 1929).
3. Ю. Г. Оксман — Пиковая Дама (Полное собрание сочинений Пушкина, приложение к „Красной Ниве“, т. VI, стр. 279, 1931).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ.

С и л у э т А. С. П у ш к и н а — из альбома семьи Олениных из с. Премухина. Зарисовка с оригинала — худ. А. К. Пожарского. Воспроизв. впервые в книге „Библиография Детского Села“ Э. Ф. Голлербаха (изд. Ленинградского Общества Коллекционеров).

Автограф Пушкина представляет собою второй черновой набросок предисловия к „Истории Пугачева“, взятый Пушкиным в основу окончательной редакции „предисловия“. На автографе помета: „село Болдино 2 ноября 1833“, т. е. дата самого „предисловия“, как оно и было напечатано.

Автограф, находящийся во Всесоюзной Публичной библиотеке им. Ленина, воспроизводится впервые (снимок предоставлен Ю. Г. Оксманом).

Первый черновой набросок „предисловия“ был сделан Пушкиным на обороте письма к нему цензора В. Н. Семенова, которое было получено Пушкиным перед выездом 17 августа 1833 г. из Петербурга. Этот набросок еще не опубликован.

„Новоселье“ — фронтиспис альманаха, изданного А. Ф. Смирдиным в 1833 г. в память „новоселья“ его книжного магазина, которое было отпраздновано писательским обедом 19 февраля 1832 г. В числе гостей на „новоселье“ были: А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Д. И. Хвостов, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и др. Вторичный подобный обед состоялся в годовщину „новоселья“, 19 февраля 1833 г., но принимал ли в нем участие Пушкин, — сведений нет.

На рисунке (работа К. Брюллова, грав. Галактионова) изображены: Крылов (сидит справа, в профиль), за ним стоит Смирдин; вправо от Крылова сидят: Хвостов, Пушкин, Вяземский (в очках). Слева стоит (с бокалом в руке) Греч; далее сидят Шаховской и Булгарин.

Содержание.

	стр.
Предисловие	5
Евг. Давыдов. 1833 год в творчестве Пушкина	7
Д. П. Якубович. Незавершенный роман Пушкина („Дубровский“)	33
И н н. Оксенов. О символике „Медного Всадника“	43
Д. П. Якубович. О „Пиковой Даме“	57
Л. Б. Модзалевский. Главнейшие хронологические даты жизни и творчества Пушкина в 1833 г.	69
Библиография	76
К иллюстрациям	78